

1.

Поздравляю Васъ, Ѳедоръ Михайловичъ и Васъ, Анна Григорьевна, съ Сонею!

Простите, Ѳедоръ Михайловичъ, что до сихъ поръ не собрался написать къ Вамъ. Зима эта была для меня такъ тяжела, какъ еще никогда никакая зима не бывала. Осенью я простудился, [за п] дѣла въ журналѣ шли хуже и хуже, а тутъ смерть принялась косить моихъ знакомыхъ и пріятелей. Умерли Долгомостьевъ и Эдельсонъ, люди, которые въ послѣдніе годы съ небольшими перерывами засѣдали у меня /сплошь/ по три раза въ недѣлю, по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ, отъ 6 до 9. Кромѣ того здѣсь умерли Валентинъ Семеновичъ Костровъ, Василій Николаевичъ Карповъ, за границею Николай Николаевичъ Филипповъ, Артуръ Ивановичъ Бени. Можетъ быть я и забылъ еще кого-нибудь, только извѣстія о смерти и зовъ на похороны просто не давали мнѣ опомниться. Долгомостьевъ умеръ страшно; онъ сошолъ съ ума у меня на квартирѣ и я былъ свидѣтелемъ зрѣлища почти невыносимаго.

И такъ не было у меня духа писать къ Вамъ, и ничего веселаго я не могъ бы Вамъ сообщить. Я и теперь не весьма далека отъ унынія; пусто мнѣ и холодно.

Что касается до литературныхъ дѣлъ, то всего лучше я сообщу Вамъ письмо, которое я только-что написалъ Каткову. Вотъ оно отъ слова до слова:

«Пишу къ Вамъ, высокопочитаемый Михаилъ Никифоровичъ, съ тѣмъ чтобы просить мѣста въ Вашемъ журналѣ для своей статьи.

Краевскій выдернулъ изъ подъ моихъ рукъ Отеч. Записки въ то самое время, когда я только что расписался и у меня образовались большіе планы относительно литературной

// л. 7

критики и статей философскаго содержанія. Я не сдѣлалъ впрочемъ ни малѣйшаго усилія, чтобы удержать его отъ этого шага, въ сущности недобросовѣстнаго и постыднаго. Краевскій признаетъ и исповѣдуетъ только одинъ принципъ — *священное право собственности*; его полное равнодушіе къ дѣлу, вслѣдствіе этого скарёдное и неумѣлое веденіе дѣла, и въ тоже время упорное нежеланіе отдать журналъ вполнѣ въ мои руки, — измучили меня въ продолженіе года, и я былъ радъ развязкѣ, давшей вещамъ болѣе естественный порядокъ.

Впрочемъ не мало тутъ виноватъ и тотъ по истинѣ дрянной литературный кружокъ, который я засталъ въ От. Зап. (для Васъ, Ѳ. М., поясню: Крестовскій, Стебницкій, Заринъ, Щегловъ, Загуляевъ), и нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ я привелъ съ собою (для Васъ, Ѳ. М.: Аверкіевъ, Долгомостьевъ, Чупровъ, Погребовъ, Полонскій). Виноватъ и я самъ отсутствіемъ энергіи и слабою производительностію; но я очень старался, и могу еще привести въ свое извиненіе то, что мое здоровье нѣсколько пошатнулось и что личныя мои обстоятельства еще никогда не давили меня такъ тяжело, какъ въ этотъ годъ.

Какъ бы то ни было, журналъ съ 4-мя или 5-ю тысячами подписчиковъ, могшій имѣть доброе направленіе, обратился въ каѳедру свистуновъ и нигилистовъ.

Впрочемъ Краевскій какъ собственникъ, сохраняетъ надъ нимъ верховный надзоръ, т. е. оставилъ за собой право не допускать въ журналѣ ничего, что угрожало бы его существованію.

// л. 7 об.

2.

Что касается до меня, то я остался на мели со своими планами, съ нѣкоторыми сотрудниками и даже съ готовыми ихъ статьями. Прошу Васъ покорно, если найдете удобнымъ это со своей стороны, дать мнѣ нѣкоторый выходъ изъ этого положенія.

1., Пріймите отъ меня статью о *Войнѣ и Мирѣ* гр. Толстого. Романъ этотъ представляетъ воплощеніе лучшихъ преданій нашего художества; онъ ведетъ свой родъ отъ *Капитанской Дочки* и отвѣчаетъ на тѣ требованія *реализма*, которыя такъ сильно участвовали въ развитіи нашей литературы послѣ Пушкина.

Но такъ какъ у насъ преданія не сохраняются, и масса читающихъ и пишущихъ не помнитъ и не видитъ связи настоящихъ явленій съ прошлыми, то я хотѣлъ-бы составить свой разборъ изъ двухъ частей:

Статья первая. Наша критика. Характеристика Бѣлинскаго. Его *теорія прогресса въ литературѣ*, теорія до сихъ поръ господствующая въ нашихъ школахъ (гимназіяхъ). Характеристика Ап. Григорьева. Его *органическая критика* и взглядъ на литературу съ этой точки зрѣнія.

Такъ какъ, Михаилъ Никифоровичъ, у насъ дѣйствительно есть эти два взгляда и никакихъ другихъ нѣтъ, то мнѣ кажется полезнымъ сопоставить ихъ въ сжатомъ очеркѣ, выяснить одинъ посредствомъ другого, и показать необходимость держаться, болѣе яснаго и глубокаго, т. е. Григорьевскаго.

Вторая статья состояла бы въ приложеніи

// л. 8

этихъ общихъ началъ къ *Войнѣ и Миру*, какъ къ частному случаю, т. е. указаніи всѣхъ нитей, связывающихъ это произведеніе съ предшествовавшими явленіями литературы.

Задача хорошая, и я твердо увѣренъ, что именно такую задачу слѣдовало бы выполнить въ настоящемъ случаѣ; но какъ я ее выполняю — другой вопросъ. Я сдѣлалъ нѣкоторыя приготовленія, напр. штудировалъ Григорьева, и обѣщаю работать усердно, если Вы дадите мнѣ разрѣшеніе; иначе же — мнѣ негдѣ печатать.

2., Вторая моя просьба - объ одномъ изъ сотрудниковъ. Нѣкто *Незеленовъ*, молодой человекъ, кончающій курсъ въ университетѣ, написалъ большую статью — *Пушкинъ и его поэзія*. Статья требуетъ обработки, которой мы ее и подвергнемъ общими силами, — но отличается столь большими достоинствами, такимъ тонкимъ и глубокимъ пониманіемъ, что вполнѣ заслуживаетъ такого почетнаго мѣста, какъ Вашъ журналъ.

Вотъ и всѣ мои желанія и просьбы. Само собою разумѣется, я не имѣю претензіи получить отъ Васъ согласіе напечатать статьи, которыхъ Вы еще не знаете; но трудно работать не имѣя хотя нѣкоторой надежды на помѣщеніе труда. Что же касается до разбора Толстого, то я готовъ думать, что это дѣло принадлежитъ мнѣ по праву, и своимъ предложеніемъ хотѣлъ бы предъупредить появленіе второй статьи г. Щебальскаго, которая, если будетъ походить на первую, никакъ не составитъ дѣйствительнаго разбора романа (Петръ Карловичъ, какъ видно,

// л. 8 об.

3.

и не ставить себѣ такой задачи).

Вотъ Вамъ, Михаилъ Никифоровичъ, нѣкотораго рода отчетъ о моей дѣятельности. Для меня было бы очень дорого, еслибы въ Вашемъ мнѣніи Вы не отказали этой слабой дѣятельности въ свойствахъ искренности и серьезности. А затѣмъ — Вашъ судъ и Ваша власть.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, и пр.»

Теперь скажу Вамъ, Ѳедоръ Михайловичъ, то, что Вы можете быть и безъ меня знаете, именно, что Вы — молодецъ. Такъ работать какъ Вы работаете, побѣдить всѣ обстоятельства и завоевать публику, — вѣдь это просто богатырскія дѣла. Вашъ *Идіотъ* интересуется меня лично чуть ли не больше всего, что Вы писали. Какая прекрасная мысль! Мудрость, открытая младенческой душѣ и недоступная для мудрыхъ и разумныхъ, — такъ я понялъ Вашу задачу. Напрасно Вы боитесь вялости; мнѣ кажется съ *Преступленія и Наказанія* Ваша манера окончательно установилась и въ этомъ отношеніи я не нашолъ въ первой части *Идіота* никакого недостатка.

Пожалѣйте меня, Ѳедоръ Михайловичъ. Меня теперь никто не читаетъ. Даже для пріятелей, Майкова, Полонскаго, Аверкіева и пр. мои статьи какъ будто не существуютъ. Полонскій все изучаетъ Писарева, а Аверкіевъ, которому мои статьи всегда попадаютъ въ руки, положительно, не удостоиваетъ ихъ прочтенія; если же перелистывая мелькомъ запомнить какое-нибудь мѣсто, считаетъ долгомъ горячо возставать противъ него. Между тѣмъ, злодѣй! каждую свою вещь онъ мнѣ читаетъ по двадцати разъ, начиная отъ перваго зародыша до полной формы. Съ грустью вспоминаю я о веселыхъ редакціонныхъ временахъ, и какъ хорошо я понимаю теперь Ап. Григорьева, который всю жизнь тосковалъ о времени *молодой редакціи Москвитянина*.

// л. 9

Весь этотъ годъ мнѣ было очень тяжело. Я считаю неудачными свои статьи объ Васъ и о Дымѣ Тургенева. Но все таки они не глупы. Но за тѣмъ, напрягая свой голосъ *вопіющаго въ пустынь*, я написалъ *Бѣдность нашей литературы*, статью, которою весьма доволенъ. Въ концѣ концовъ все таки оказывается, что въ 1866 и 1867 годахъ лучшія философскія и критическія статьи принадлежали мнѣ.

Знаете ли къ чему я веду эту хвастливую рѣчь? Для меня необыкновенно дороги честь и значеніе *нашего литературнаго кружка*. Я до сихъ поръ полагаю, что это *главная струя* нашей литературы. Посмотрите. О *Тургеневѣ* лучшія вещи писаны у насъ, и онъ у насъ печатался. *Островскій* теперь сбрендилъ, но связанъ съ Ап. Григорьевымъ неразрывно — въ лучшей порѣ своей дѣятельности. *Некрасовъ* измѣнникъ литературы и о немъ говорить нечего. Теперь очень высоко сталъ *Л. Толстой*; но вѣдь мудрые Современники его пропустили. Я просматривалъ недавно курсъ исторіи Р. Словесности, Петрова. Въ немъ подробно трактуется о Григоровичѣ, Добролюбовѣ и пр., а *Л. Толстой* едва упоминается и смѣшанъ съ *А. Толстымъ*. Причина — объ немъ не было ни одной статьи въ *Современникѣ*.

Это наши связи, наше положеніе. За тѣмъ — наши преданія — Ап. Григорьевъ, возстановленіе памяти котораго послѣдуетъ неминуемо, если Россіи суждено умнѣть, а не глупѣть. Кромѣ того — то направленіе, которое Вами было дано Времени и Эпохѣ; наша борьба съ Современникомъ. Вѣдь не пропадетъ же это все. Напр. Щедринъ теперь стремится блистать; но мнѣ смѣшно, когда подумаю, что вѣдь ему подписанъ ненарушимый приговоръ,

// л. 9 об.

подписанъ Вами и отчасти мною, — а онъ только недогадывается.

За тѣмъ наличныя силы: Вы идете блистательно, Аверкіевъ развивается, я еще не пропалъ. Признаюсь я не безъ радости видѣлъ даже успѣхъ безпутнаго В. Крестовскаго или истинно даровитаго Стебницкаго. Часто въ эти два года мнѣ приходилось съ радостью замѣчать: все наши! все наши на первомъ планѣ! Даже Н. И. Соловьевъ совершилъ блистательнѣйшую карьеру — съ Вашего благословенія.

Ну прощайте, Федоръ Михайловичъ! Такъ дорого достается мнѣ писанье, что простите за этотъ недоконченный листокъ.

Вашъ покорнѣйшій
Н. Страховъ.

PS. Новые журналы — положительно оплошали. А то ли еще будетъ въ половинѣ года. Они какъ эмигранты — ничего не забыли и ничему не выучились; а время-то не даромъ идетъ. Въ сущности, какъ они ни усиливайся, не воротить имъ никогда 1860 года.

// л. 10